УДК: 323.22/.28(470) DOI: 10.12737/21319

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА В РОССИИ

***Мельников Н.В.*[1]**

Статья посвящена проблеме достижения политического согласия как в российском обществе в целом, так и в кругах политической элиты. Во введении рассматривается смысловое наполнение понятия «политический консенсус». Затем автор обращается к динамике формирования консенсуса в период после распада СССР. Описываются попытки ценностного объединения социума и достижение согласия после прихода В.В. Путина на должность Президента РФ. Однако, исходя из политической теории, утверждается, что предметом такого консенсуса является лишь проводимая политика, а не ценности и цели развития, а символом «общего» – личность лидера.

На основании выводов теоретиков демократического элитизма, акцентируется внимание на высших политических кругах как потенциальном субъекте выработки общественного согласия. Исходя из подробно описанной в статье специфики российского политического класса, автор обращается к перспективам достижения консенсуса в России, без которого невозможной становится преемственность политического курса.

Ключевые слова: консенсус, политический курс, политическая элита, кризис идентичности.

POLITICAL CONSENSUS AS A WAY TO ENSURE CONTINUITY OF POLITICAL COURSE IN RUSSIA

MELNIKOV N.V. – Postgraduate student of Sociology and Political Science, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: nike-durike@rambler.ru

The article focuses on the problem of achieving political agreement in the Russian society as a whole, as well as in the political elite. The meaning of the term “political consensus” is considered in the introduction. Then the author writes about dynamics of consensus-building after the break-up of the USSR. The attempts of the values-based consolidation of society and achievement of agreement after V. Putin becoming the President of Russia are described. But based on political science, it is said that object of this consensus is just a current politics, not values and goals of development, and its symbol is a personality of leader. On the base of findings of democratic elitism theorists the author pays attention to the highest political levels as potential subjects of formation of public agreement. After detailed description of features of the Russian political class it is said about possibilities of achieving consensus in Russia, which is necessary for continuity of political course.

Keywords: consensus, political course, political elite, identity crisis.

Мельников Никита Викторович – аспирант кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет, *адрес:* 394062, г. Воронеж, ул. Южно-Моравская, д. 34, кв. 88, e-mail: nike-durike@rambler.ru

Введение

Для формирования политической повестки, целей общественного развития и курса на их достижение необходим определенный уровень консолидации как внутри общества, так и среди его правящей элиты. В постсоветской России сложилась неоднозначная ситуация в сфере достижения такого консенсуса.

Консенсус (от лат. consensus – согласие, единодушие) – это принятие решения по спорным вопросам на основе общего согласия, вырабатываемого путем обсуждения и взаимных уступок[1]. Применительно же к политической сфере это соглашение относительно наиболее важных принципов политической организации, распределения ценностей, власти и прав в обществе. В таком понимании консенсус предстаёт как один из принципов демократии, её обязательное условие. Общность этих ценностей заставляет индивида приспосабливаться к позициям других людей, тем самым достигается равновесие всей общественной системы.

Согласно теории, Дж. Сартори, в зависимости от объектов консенсуса можно выделить три его уровня[2]. Кратко прокомментируем фактическое наполнение каждого из них. Высший уровень консенсуса – ценностный – тесно связан с политической культурой конкретного сообщества. Согласие относительно базовых принципов, целей и ценностей жизни общества предполагает наличие в нём однородной политической культуры.

Процедурный консенсус – это согласие по поводу правил политической игры в данном обществе. Признание участниками политической жизни принципов и механизмов разрешения конфликтов является обязательным условием стабильного функционирования политической системы.

Третий уровень – консенсус относительно проводимой политики. Здесь центральной проблемой становятся отношения между властью и оппозицией. Важно чётко разделять согласие с формами организации политической власти и согласие с конкретными правительственными решениями. Первое – необходимое условие демократии, второе – не обязательно.

Уровни консенсуса по определению тесно связаны с компонентами политического курса – стратегическим и тактическим. Стратегия связана с выработкой приоритетов, целей общественного развития, механизмами их осуществления. Тактика является инструментом реализации стратегии, связана с технологиями реализации стратегических и оперативных задач. Таким образом, социетальный и процедурный консенсус позволяет сформировать стратегические цели развития, а консенсус на уровне политики подразумевает единство в тактике достижения этих целей.

Отечественные юристы подразделяют консенсус на материальный и процессуальный. Первый – это согласие по существу проводимой политики, второй – в отношении установленных «правил игры» в сфере политики[3]. Сущностно схожее разделение предлагает М. Хеттих: он выделяет материальный и формальный консенсус. Помимо этого, консенсус подразделяют на долговременный и краткосрочный, стратегический и тактический, принципиальный и конъюнктурный, внутриэлитный и общегражданский, негативный и позитивный[4].

---

[1] Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – С. 380.

[2] См.: Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992. – С. 122–127..

[3] См.: Юридический конфликт: процедуры разрешения (Юридическая конфликтология). – М., 1995. – Ч. 3.–С. 7.

[4] См.: Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», – 2010. – С. 237–238.

Кризис идентичности в российском социуме

Говоря о российской ситуации, прежде всего, важно обратить внимание на такую градацию, как уровни консенсуса. Ценностный консенсус невозможен, пока основные принципы организации жизни общества не будут задекларированы и вербально оформлены, даже если они подсознательно присутствуют в общественном сознании. И здесь наблюдаются серьёзные проблемы: многие специалисты считают, что постсоветское политическое сознание характеризуется кризисом идентичности. К причинам кризиса относят «отсутствие целей и программ развития страны, ориентации на общие цели институтов управления, рассогласование действий элит, нестабильность системы управления, отсутствие общей для большинства страны системы ценностей»[1]. Если не разработаны стратегии развития, не происходит интеграции масс вокруг общих целей и ценностей, формируются «политические мутанты», соединяющие в себе различные идеологемы. А отсутствие такого единого понимания приоритетов отчётливо просматривается в результатах социологических опросов. Так, на вопрос «Государством какого типа Вы хотели бы видеть Россию?», который Левада-центр задавал с 2008 по 2014 год, от 33% до 39% респондентов высказались за «особый путь» развития, от 28% до 32% ориентиром видели современные западные демократии, от 17% до 24% хотели возврата к социализму[2]. Подобные размежевания проходят и по другим аналогичным критериям: «Какая политическая система (политический режим) кажется Вам лучшей?», «К каким целям должна стремиться Россия в XXI веке?», «Россия – европейская страна или государство с другой системой ценностей?» и др. Российскому государству за четверть века после распада СССР так и не удалось полноценно выразить свою суть, создав систему понятных и разделяемых обществом убеждений, образов, целей. Наглядной демонстрацией фрагментации общественного сознания является семантический плюрализм государственных символов РФ: герб, гимн, флаг, а также красное знамя вооружённых сил отсылают к различным историческим эпохам и ценностям.

Опыт формирования общественного согласия в постсоветский период

В то же время нельзя сказать, что не предпринималось попыток объединить население на базе той или иной ценностной платформы. Так, первые лидеры новой России в начале 90-х позиционировали страну как часть западной цивилизации[3]. Однако первоначальный всплеск энтузиазма быстро сошёл на нет из-за усиления кризисных тенденций и неоднозначной позиции самого Запада относительно принятия России в свою «семью». В результате роста угроз безопасности всё громче стало звучать требование рассматривать Россию прежде всего, как великую державу. Сторонники такого подхода утверждали, что у страны имеются и другие, отличные от западной ценности. Такие категории, как «национальная идея», «Евразия», «держава», вошли в политический дискурс. Подчёркивалась мультикультурность, полиэтничность страны[4]. При всей привлекательности такого подхода, понимание российской идентичности в его рамках оставалось крайне неясным, размытым. В итоге сформулировать внятную долговременную стратегию развития в 90-е не удалось. Необходимость в «пожарном» порядке провести срочные решения, которые могли бы спасти страну от голода и гражданской войны, отложили эти дискуссии до лучших времён.

[1] Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб., 2002. – С. 156.
[2] Левада-центр (http://www.levada.ru/old/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put)
[3] См.: Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина. – М.: Научная книга, 2008. – С. 75–76
[4] Там же. – С. 115–116.

Однако с приходом на пост Президента В. Путина начался процесс формирования не базового, ценностного консенсуса, но общественного согласия касательно текущего курса. Именно Президент, по данным социологических опросов, является олицетворением «правильной политики государства». В его лице общество нашло некий объединяющий символ. В условиях функционирования такой модели власти выборы превращаются в вотум доверия Президенту. Он лично крайне слабо ассоциирован с какой-либо партией или политической платформой, а соответственно не подотчётен никому. Однако вопрос политической ответственности может встать очень остро, и в критической ситуации Президент будет вынужден нести лишь персональную ответственность. А ещё одним очевидным перекосом в концентрации властных полномочий в одних руках является невозможность выработки долговременного стратегического курса в одиночку, к тому же без опоры на ценности, которые бы разделялись всем обществом.

Элита как субъект выработки консенсуса

И здесь на первый план выходит политическая элита. Как пишет элитолог Дж. Хигли, рассуждающий в русле теории демократического элитизма, «демократия – это прежде всего творение элит дифференцированного типа», т.н. консенсуально объединённых элит»[1]. По его мнению, основные различия между элитами кроются в степени их структурной интеграции и ценностного консенсуса. Отсюда – различие между объединёнными и разъединёнными элитами. Лица и группировки, формирующие разъединённые элиты, отделены и изолированы друг от друга, у них нет принципиального согласия по поводу норм и институтов, и они не придерживаются единых принципов политического поведения. Однако объединённые элиты, в свою очередь, могут иметь различные основания для консолидации. Первый тип – это идеологически объединённая элита. Она структурно интегрирована и строго централизована. Второй – как раз консенсуально объединённая элита. Здесь структурно интегрированные группы сосредотачиваются в рамках дифференцированных секторов. Их члены получают доступ к лицам, принимающим ключевые решения. Вдобавок представители такой элиты пришли к негласному консенсусу по поводу норм и правил политического поведения. Со временем нормы, разделяемые внутри таких элит, встраиваются в политические институты и, что куда важнее, в политическую культуру[2].

На основании результатов масштабных исследований, предметом которых являлась политическая элита России, можно утверждать: различные группы солидарны в принятии базовых ценностей (демократия, свобода, рыночная экономика)[3]. Дело в другом: трактовки этих понятий внутри российской элиты отмечаются серьёзными различиями. Косвенно это подтверждается основанием объединения элиты. А им является не общность идей и убеждений, а общность профессиональной среды и социального положения, а также лояльность руководству страны. Разумеется, для этого существуют объективные предпосылки. Одной из них является «номенклатурная преемственность». Речь о том, что, несмотря на смену кланов и властных группировок в высшем руководстве, сама структура организации власти по сравнению с советским периодом изменилась очень незначительно. Персональный состав «аппарата власти» менялся крайне медленно: по наблюдениям специалистов, за последние 10 лет XX века кадровый состав изменился на 20–30%[4].

[1] Хигли Дж. Демократия и элиты. // Полития. – 2006. – № 2. – С. 23.
[2] Там же. – С. 24–26.
[3] См.: Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. – М.: 2008. – С. 28–28, 34–35.
[4] См.: Гудков Л.Д. Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического

А это объясняет воспроизводство административного произвола и отсутствие контроля за властью. Бюрократия как класс выходит на первые роли в условиях российской политической действительности. Если обычно бюрократия понимается как инструмент реализации поставленных элитой целей, то в России она участвует и в процессе принятия решений. Само существование феномена «административного предпринимательства» указывает на доминирующую роль бюрократии в распределении экономических благ[1]. В таком контексте элита нуждается в инструментальном обеспечении своих позиций, но не более того. Происходит имитация выработки национальной политики, защиты национальных интересов. Исполнительная власть не может ставить себе политических целей. Ю.А. Левада и Л.Д. Гудков, основываясь на результатах проведённого ими исследования элит, делают вывод, что отличие российского политического класса от аналогов западного типа кроется в том, что он формируется фактически государственными органами, элита «назначается»[2]. На Западе же принципиально важным для референтных групп в политике является их связь со сферой публичности, то есть со сферой общественной открытой рефлексии. Неизменно сопровождающая этот механизм рекрутирования циркуляция элит позволяет вовремя расставлять акценты в общественной дискуссии о целях, ценностях и методах политики.

В российских реалиях представители элиты – именно за счёт того, как они в неё попадают – не имеют «веса» в глазах общественности, какого-либо собственного авторитета, а соответственно и мандата на генерирование идей касательно развития государства. И тогда этот мандат остаётся лишь у высшей власти, персонифицированной в личности Президента. Именно вокруг него стремятся консолидироваться все высшие политические круги. Стремление оградить президента и его курс от любой критики, приписать ему непогрешимость в суждениях и действиях становится высшим проявлением лояльности. При этом упускается из виду возможность сочетания уважения к власть предержащим с беспристрастной критикой их политики. Невосприимчивость к чужому мнению была характерна и для 90-х, когда идеологическая составляющая ещё играла значительную роль. Именно ей российское общество обязано крайне слабой интенсивностью диалога между представителями различных идеологических позиций, что не позволило найти какие-либо «общие знаменатели».

Впрочем, нельзя сказать, что группировки элиты вообще не способны договориться. Исключения здесь встречаются, но носят они специфический характер. Перечисляя различные типологии консенсуса, мы упомянули такие его разновидности, как позитивный и негативный. Так вот, для российской элиты характерно объединение «против». Так, на выборах в 90-е (а квинтэссенцией стали президентские выборы-1996) линия разделения не раз проходила между коммунистами и антикоммунистами – коалицией достаточно рыхлой, но всё же сумевшей избежать «красного отката». В нынешних условиях как в обществе, так и в элите вызрел новый негативный консенсус: повторения украинского сценария с вытекающими из него кризисными последствиями не хочет никто. А в намерении его осуществить обвиняется очень неоднородная по составу группа, заклеймённая приобретшим негативную коннотацию словом «либералы», что, конечно, является, как минимум, упрощением[3].

исследования. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – С. 38–39.

[1] См.: Элиты в современных политических процессах (опыт сравнительного исследования): монография / [А.В. Глухова и др.]; под ред. проф. А.В. Глуховой. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 157.

[2] Гудков Л.Д. Указ. соч. – С. 71–73.

[3] См.: Козырева П.М. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России. // Полис. – 2013. – №5. – С. 27–40.

Однако это не отменяет факта отсутствия чётко сформулированной, широко поддерживаемой программы, ясного политического курса. Проанализировав тексты Посланий российских президентов парламенту за четверть века после распада СССР, можно обнаружить лишь одну общую переменную, которая красной нитью упоминается из года в год. Это – «развитие». Однако, исходя из смысла посланий, нетрудно заметить: в это очень неопределённое понятие вкладывается далеко не всегда одно и то же. Очевидно и другое: эта категория подразумевает не столько конкретные политические цели и задачи, сколько желание поскорее войти в категорию так называемых «развитых стран». А это – всего лишь самая общая характеристика желательного статуса России в ряду других стран[1].

При таком понимании – а точнее, отсутствии понимания – модернизации Россия попадает в крайне опасную ситуацию. Дело в том, что политическому генотипу нашей страны свойственен так называемый мобилизационный путь развития. По определению Б.А. Исаева, это один из способов адаптации социально-экономической системы к реальностям меняющегося мира, состоящий в систематическом обращении в условиях стагнации или кризиса к чрезвычайным мерам для достижения экстраординарных целей, представляющих собой выраженные в крайних формах условия выживания общества и его институтов[2]. Чтобы ряд исторических примеров не пополнился и развитие было целенаправленным, а не проблемно-ориентированным, движение к общественному согласию, сопровождаемое комплексной демократизацией политической жизни страны, должно стать реальностью. Несмотря на всю внутреннюю противоречивость такого огромного и неоднородного социума, как Россия, осознание актуальности достижения базового консенсуса – прежде всего, элитой – способно стать первым шагом мобилизации общества на достижение общих политических целей. Стоит, однако, сказать, что и этого недостаточно. Без политической воли представителей власти к изменениям (которые, надо сказать, с большой долей вероятности пошатнут позиции многих из них) в условиях пассивности масс ждать взвешенных и эффективных решений по определению не приходится.

Библиография/References:

1. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 280 с.
2. Гудков Л.Д. Дубин Б.В, Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – 372 с.
3. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Современная российская политика: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2013. – 448 с.
4. Козырева П.М., Смирнов А.И. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России // Полис. – 2013. – № 5. – С. 27 – 40.
5. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 258 с.
6. Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. – М., 1992. – С. 122-127
7. Тарусин М. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. – М.: ИНОП, 2008. – 296 с.
8. Хигли Дж. Демократия и элиты // Полития. – 2006. – № 2. – С. 22 – 31.

[1] Гудков Л.Д. Указ. соч. – С. 106–107.
[2] Исаев Б.А. Современная российская политика: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2013. – С. 40.

9. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. – М.: Научная книга, 2008. – 272 с.

10. Элиты в современных политических процессах (опыт сравнительного исследования): монография / [А.В. Глухова и др.]; под ред. проф. А.В. Глуховой. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 177 с.

11. Юридический конфликт: процедуры разрешения (юридическая конфликтология. Ч.3) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М., 1995. – 160 с.

1. Glukhova, A.V. (2010) Politicheskie konflikty: osnovaniia, tipologiia, dinamika. [Political conflicts: reasons, typology, dynamics]. – M.: LIBROKOM. – 280 p. (In Russ.)

2. Gudkov, L.D., Dubin, B.V., Levada, Iu.A. (2007) Problema “elity” v segodniashnei Rossii: razmyshleniia nad rezul'tatami sotsiologicheskogo issledovaniia [Problem of “elite” in today’s Russia: thinking in results of sociological research]. – M.: Fond “Liberalnaya missiya”. – 372 p. (In Russ.)

3. Isaev, B.A., Baranov, N.A. (2013) Sovremennaia rossiiskaia politika: uchebnoe posobie [Contemporary Russian politics: training manual]. – SPb.: Piter. – 448 p. (In Russ.)

4. Kozyreva, P.M., Smirnov, A.I. (2013) Sdvigi v obshchestvennoi zhizni i problema podderzhki demokratii v Rossii [Developments in the public life and problem of support of democracy in Russia] // Polis [Polis. Political Studies]. – № 5. – P. 27-40 (In Russ.)

5. Popova, O.V. (2002) Politicheskaia identifikatsiia v usloviiakh transformatsii obshchestva [Political identification under transformation of society]. – SPb.: Izd-vo SPbGU. – 258 p. (In Russ.)

6. Sartori, G. (1992) Upravliaemaia demokratiia i upravliaiushchaia demokratiia [Manageable democracy and managing democracy] // Mir politiki. Suzhdeniia i otsenki zapadnykh politologov [World of politics: judgment and estimation of the western political scientists]. – M. – P. 122– 127 (In Russ.)

7. Tarusin, M. (2008) Summa ideologii. Mirovozzrenie i ideologiia sovremennoi rossiiskoi elity [Summa Ideologica. Creed and ideology of the contemporary Russian elite].– M.:INOP.–296 p. (In Russ.)

8. Khigli Dzh. (2006) Demokratiia i elity [Democracy and elites] // Politiia [Politeia]. – № 2. – P. 22– 31 (In Russ.)

9. Tsygankov, A.P. (2008) Vneshniaia politika Rossii ot Gorbacheva do Putina: formirovanie natsional'nogo interesa [Foreign policy of Russia from Gorbachev to Putin: formation of national interest]. – M., Nauchnaya kniga. – 272 p. (In Russ.)

10. Glukhova, A.V. (2009) Elity v sovremennykh politicheskikh protsessakh (opyt sravnitel'nogo issledovaniia): monografiia [Elites in modern political processes (expertise of comparative study)]. – Voronezh, Nauchnaia kniga. – 177 p. (In Russ.)

11. Kudriavtsev, V.N. (1995) Iuridicheskii konflikt: protsedury razresheniia (iuridicheskaia konfliktologiia. Ch.3) [Legal conflicts: procedure of resolving]. Part 3. – M. – 160 p. (In Russ.)